

УДК 811.11-112:355

Милитарологизмы и их использование в русской литературе

Постников Сергей Васильевич

Кандидат педагогических наук, доцент,
Вольский военный институт материального обеспечения,
412903, Российская Федерация, Саратовская область,
Вольск, ул. М. Горького, 3;
e-mail: telec8572@mail.ru

Постникова Ольга Анатольевна

Кандидат исторических наук,
Вольский военный институт материального обеспечения,
412903, Российская Федерация, Саратовская область,
Вольск, ул. М. Горького, 3;
e-mail: viefremov@mail.ru

Аннотация

В статье освещается одна из актуальных проблем языкознания на современном этапе, а именно вопрос функционирования терминов, связанных с военными науками, в ряде исследований определяемых как милитарологизмы. Отрасль научного знания о них исследует данную категорию военной лексики, категоризацию лексем в зависимости от построения слова, а также особенности применения их на разном этапе языкового развития. Авторы статьи формируют научные положения о роли милитарологизмов в речи. Также в работе анализируются примеры применения милитарологизмов в различных источниках, как в различных русскоязычных литературных источниках, так и в лексической среде, носящий специализированный характер, в том числе среди российских военнослужащих. В частности, в работе приводится анализ трех милитарологизмов, доказывается необходимость системного их изучения, в том числе и на занятиях русского языка и русской речи в военном вузе. В заключении работы авторы делают вывод о том, что милитарологизмы будут постоянно изменять свой смысл как в устной речи, так и при употреблении в художественных произведениях; одни военные слова будут жить долгое время, а другие исчезнут или потеряют свою значимость.

Для цитирования в научных исследованиях

Постников С.В., Постникова О.А. Милитарологизмы и их использование в русской литературе // Культура и цивилизация. 2016. № 4. С. 223-234.

Ключевые слова

Милитарологизмы, военные термины, литература, война, пехотинец, солдафон.

Введение

В современных условиях одной из наиболее обсуждаемых проблем языкознания является вопрос применения специализированных терминов, в том числе относящихся к таким отраслям человеческой деятельности как научная и естественнонаучная (например, математические и химическая), а также отдельным видам экономической деятельности (например, строительство). В этой связи филологами проводятся исследования по определению вопросов функционирования слов различного происхождения. Несмотря на достаточное количество исследований в данной области, тема применения понятий военной науки не является системно раскрытой в современной научной литературе. Весьма обособленно в этом ряду стоят понятия, связанные с военной тематикой. Поэтому является весьма значимым для современного языкознания рассмотрение темы их возникновения и применения в русском языке.

Согласно самому общему определению, милитарологизмы (от латинского *militaris* – военный и греческого *logos* – слово) – это специальные термины, слова или выражения, связанные с военной тематикой, описывающие такие действия, как война в целом, а также отдельные военные действия, военную технику, военный быт, иные смежные с перечисленными категории. Они включают в себя понятия военной терминосистемы и военной терминологии, однако не исчерпываются ими. Милитарологизмы не всегда полностью соответствуют категории «термин», к ним, например, можно также отнести и самые разнообразные оценочные, уменьшительные номинации, а также значительное количество составных и стилистических маркированных наименований. Учитывая то, что в военной области количество таких языковых элементов значительно, слова имеют многочисленные производные формальные и семантические образования, а военный лексикон нельзя в целом однозначно определить как терминологию, поскольку он в современном состоянии не представляет собой организованную, целостную, хорошо структурированную систему. В настоящее время данный лексикон можно определить как объединенной принадлежностью к военной тематике фонд слов.

С учетом изложенного, определить границы категории *милитарологизмы* в настоящее время затруднительно, так как сфера их применения весьма широка, и многие, даже самые общепотребительные, термины приобретают в ней особое, более узкое значение. В.Н. Шевчук предлагает следующее определение подобного понятия: «устойчивая единица син-

тетической или аналитической номинации, закрепленная за соответствующим понятием в понятийно-функциональной системе определенной сферы военной профессии в значении, регламентированном его дефиницией» [цит. по: Нелюбин, Дормидонтов, Васильченко, 1981, 8]. Г.М. Стрелковский указывает: «Если мы ограничимся лишь военным делом, то должны будем признать, что внутри этой обширной области существуют многие отрасли, которые можно рассматривать как различные самостоятельные области знания или деятельности. Поэтому нельзя говорить об общем понятии «военный термин», а следует различать термины тактические, организационные, военно-технические, термины, относящиеся к различным родам войск и видам вооруженных сил и т. д. Все это – различные области военного знания и деятельности, для каждой из которых характерна своя терминология. В пределах каждой из этих областей значение термина достаточно однозначно». Таким образом, автор значительно расширяет сферу применения милитарологизмов [Стрелковский, 1979, 83].

Резюмируя мнения ученых в данной области, следует признать, что в самом общем смысле к милитарологизмам относятся все слова и сочетания, определяющие военные понятия, то есть все категории, непосредственно связанные с вооруженными силами, военным делом, ведением военных действий. Следует отметить, что к таким терминам следует отнести и все научно-технические термины, употребляемые в отношении различных военных категорий (например, *гусеница* танка или любой боевой машины на гусеничном ходу).

Терминологические проблемы, к которым, в частности, относится неопределенность границ употребления тех или иных терминов, как это было продемонстрировано выше, системно были освещены в работах А.И. Моисеева, согласно исследованиям которого «Все прочие признаки, обычно приписываемые терминам и терминологии в целом: точность значения, однозначность, системность, отсутствие синонимии и т. п. – не более как их тенденция или их желательные качества, или, наконец, требования к «хорошей» рационально построенной терминологии. Примеры недостаточной системности, нестрогости значений реальных терминов, их многозначности, омонимии и синонимии хорошо известны» [Моисеев, 1970, 138].

Проблемы функционирования милитарологической терминологической системе в ее эволюционном развитии были развиты в целом ряде работ как историко-этимологического, так и исключительно лексикологического характера. Последние можно условно разделить на следующие две группы.

1. Работы, анализирующие применяемый в речи военный лексикон в *хронологическом* аспекте, касающиеся какого-либо периода его истории либо отражающие процесс эволюции военной терминосистемы (Б.А. Ларин, А.С. Львов, Ф.П. Сороколетов, П.Я. Черных и др.) [Лату, 2011].

2. Работы, затрагивающие этимологический, функциональный аспекты (Биржакова, 1972; Бойко, 2001; Войцева, 1989; Горбань, 2008; Демьянов, 2001; Егорова, 1984; Егоршина, 1995; Елистратов, 2005; Ильченко, 2000; Кожин, 2001; Конончук, 2007; Лазаревич, 2000; Левашов,

1979; Лосева-Бахтиярова, 2005; Одинцов, 1984, 1989; Сафаров, 2012; Сычев, 1980; Филин, 1981; Чипан, 2000; Чудинов, 2001; Шевчук, 1985 и др.). В работах современных исследователей поднимаются также частные вопросы милитарологизации языка: процесс заимствования, освоение европеизмов русским языком, их этимология и семантика [Моисеев, 1970].

Фактически во всех работах отмечается, что отличительным свойством материалов военных исследователей является значительное количество применяемой в ней специализированной терминологии. Например, в ряде исследований было определено, что в среднем на страницу текста боевого устава приходится 13-15 специализированных военных терминов. К военным материалам в самом общем понимании относят следующее: военно-художественные, военно-публицистические, военно-политические, военно-научные, военно-технические материалы, а также документы, регламентирующие отношения в армии. К непосредственно военным материалам в литературе принято относить научно-технические материалы и акты управления, связанные с жизнью и деятельностью войск и военных учреждений вооруженных сил. Военно-художественная литература, военная публицистика и военно-политические материалы, по мнению авторов, относятся к военным только по своему характеру и тематике, и в основном обладают теми чертами, которые вообще присущи практически всем общественно-политическим, публицистическим и художественным текстам [Зверев, 2009].

К военной терминологии может относиться следующее: слова и сочетания, которые хотя и не обозначают собственно военных понятий, однако применяются почти исключительно непосредственно в военной среде, а в самом общем употреблении не распространены или совсем неизвестны (например, к ним относятся такие термины как джунгли, письмо (солдата) домой, столовые принадлежности), а также ряд иностранных заимствований, различные жаргонизмы. Кроме того, к ним относятся те эмоционально окрашенные элементы военной лексики, которые являются в подавляющем большинстве случаев стилистическими синонимами соответствующих терминов, относящимся к военной тематике [Митчелл, 2014, 37].

Таким образом, милитарологизмы, помимо прочих свойств терминологического характера, характеризуются отличительными сферами их применения. Между тем, сами эти сферы, наряду с функцией определять сущность понятия и системностью, являются характеристикой, позволяющей классифицировать то или иное слово или словосочетание к категории милитаротерминов.

Использование милитарологизмов в русской литературе

В процессе изучения в военном вузе русского языка, в качестве как родного, так и неродного, особое значение приобретает функционирование милитарологизмов в литературных источниках. Для определения данной значимости в данной работе будут рассмотрены примеры таких терминологических систем.

По мнению автора, анализ необходимо начинать с понятия, имеющего непосредственное отношение к милитарологической тематике, а именно со слова «война». В словаре С.И. Ожегова это понятие определяется как «вооруженная борьба между государствами или народами, между классами внутри государства. *Находиться в состоянии войны с кем-н. Объявить войну. Вести войну. Пойти на войну. Вернуться с войны. Погиб на войне. Не пришёл с войны кто-н. Победоносная в. Региональные войны. В. за независимость. Гражданская в.* (вооружённая борьба внутри государства)». А также, как (*перен.*) «борьба, враждебные отношения с кем-чем-н. *Объявить войну бездельникам*».

В этом же источнике приводятся и соответствующие данному термину дополнительные категории: 1) «Холодная война – политика, заключающаяся в нагнетании напряженности, враждебности в отношениях между странами. *Конец холодной войны*». 2) «Война нервов – об обоюдном нервном напряжении кого-н.». 3) «На войне как на войне (книжн.) – 1) война, а также вообще любая борьба есть война со всеми ее тяготами, последствиями; 2) в трудных условиях, обстоятельствах надо уметь к ним приспособляться» [Ожегов, 1990, 97].

Такое разнообразие трактовок соответствует и значительному количеству источников, относящихся к отечественной литературе. Например: «В лето 6472. Князю Святославу възрастешю и везмужавшю, нача вои совкупляти многи и храбры, и легко ходя, аки пардус, войны многи творяше», – говорится в «Повести временных лет». У Н.В. Гоголя мы находим: «Известно, какова в Русской земле война, поднятая за веру; нет силы сильнее веры. Непреборима и грозна она, как нерукотворная скала среди бурного вечно изменчивого моря. Из самой середины морского дна возносит она к небесам непроломные свои стены, вся созданная из одного цельного, сплошного камня. Отвсюду видна она и глядит прямо в очи мимобегущим волнам» («Тарас Бульба»). У Н.А. Некрасова: «Кипит там вечная, / Бесчеловечная / Вражда-война / За блага бранные... / Там души пленные / Полны греха» (Некрасов Н.А. Кому на Руси жить хорошо). «Подошла война проклятая, / Да и больно уж лиха, / Где бы свадьба богатая – / Цоп в солдаты жениха!»; «Перед светопреставлением, / Знать, война-то началась. / Грянут, грянут гласы трубные! / Станут мертвые вставать! / За дела-то душегубные / Как придется отвечать?» («Коробейники»). У М. Горького: «Война! На войне – ни стыда, ни жалости» («Егор Булычов и другие»). У А.П. Платонова: «Тебе говорят, что война – это ум, а не драка. Я Врангеля шпокал, англичан не боялся, а вы от конных наездников целый город перепугали!» («Сокровенный человек»).

Весьма распространено с морально-этической стороны в русской литературе рассмотрение категории «война». В произведении А.И. Куприна так описывается данная категория: «... люди ходили вольными шайками, и война была общей хмельной радостью, кровавой и доблестной утехой» («Поединок»). У Н.С. Лескова мы читаем: «Тут уже за третью парю и мало стало охотников, потому что видимо всем, что это не война, а просто убийство, а наказать злодеев надобно» («Очарованный странник»). Наиболее яр-

кие высказывания принадлежат героям Л.Н. Толстого: «Какая ужасная вещь война, какая ужасная вещь! *Quelle terrible chose que la guerre!*»; «Война не любезность, а самое гадкое дело в жизни, и надо понимать это и не играть в войну. Надо принимать строго и серьезно эту страшную необходимость. Всё в этом: откинуть ложь, и война так война, а не игрушка. А то война – это любимая забава праздных и легкомысленных людей... Военное сословие самое почетное» («Война и мир»). С.А. Есенин так определяет морально-этические характеристики войны: «Война мне всю душу изъела. / За чей-то чужой интерес / Стрелял я в мне близкое тело / И грудью на брата лез» («Анна Снегина»). Л.Н. Андреев: «Теперь, когда я один, война безраздельно владеет мною и стоит, как непостижимая загадка, как страшный дух, которого я не могу облечь плотью» («Красный смех»).

При всем многообразии подходов к характеристикам войны в русской литературе, с позиции лексического анализа это наиболее простая по своей сущности категория. Так, вся мировая художественная культура указывает на то, что гуманистическое искусство всегда осуждало войну вне зависимости от сторон, участвующих в ней или, в крайнем случае, определяло ее как необходимую жестокость.

Сопутствующие войне термины являются уже гораздо более многоаспектными.

По мнению авторов, к ним относится такая категория как «пехотинец». И.И. Дмитриев в своих мемуарах «Взгляд на мою жизнь» провел литературную канонизацию слова *пехотинец* «Московскому Телеграфу» (т. е. Полевому). Он поместил его в списке нововведенных слов и сопроводил следующим комментарием: «По-новому: По-старому: *Пехотинец* *Пеший, сухопутный солдат*» («Телеграф»). «*Конник* (там же). *Ратник конный, всадник*». Он же отметил тут же и источник заимствования: «Нынешние авторы, любя подслушивать, оба сии названия переняли у рекрутов» [Дмитриев, 1866, 158].

Сам морфологический состав слова *пехотинец* весьма прост. В первую очередь, это образование с суффиксом *-инец*, для обозначения единичного лица от собирательного слова – *пехота* (ср. *осет-инец*, *кабард-инец* и т. п. Ср. *челядинец*). Слово пехотинец, согласно исторически-терминологическому анализу авторов, вошло в русский литературный язык как заимствование из профессиональных говоров областной народной речи, согласно гипотезе авторов, из применяемого солдатами диалекта. Периодом заимствования данного слова можно отнести к периоду не ранее 1820–1830-х гг. Доказательством установления данного исторического периода является то, что этого слова нет в издаваемых Российской Академии словарях. Рассматривая источники данного слова, следует отметить, что в древнерусском языке в этом смысле употребляются термины *пешьцы* (в понятии «пешее войско»), а также более редким словом *пешеходец*. Так, например, в Псковской 1-й Летописи (6831) указывается: «Немци стоять на Завеличьи, и оставивше пешьцев за полем, а Остафеи князь, с коневники поехав, удари на них» [Срезневский, 1902, т. 2, 1791-1792]. Впоследствии более короткое слово *пешец* уступило место термину *пеший солдат*, которое определялось для дефинирования как сухопутного, так и пешего войска.

При этом в официальном языке роды войск обозначались собирательными словами, такими как *пехота, конница, кавалерия*. Необходимость в определении отдельного лица по роду службы здесь пока не определялись (например, сравним употребление собирательных слов в индивидуализированном значении). Применяемое как литературный термин слово *пехотинец* впервые зарегистрировано в словаре 1847 года, где указано следующее определение: «*Пехотинец*, нца, с. м. Пеший воин». Очевидно, что под влиянием устно-бытового языка данный термин был освоен литературной речью 1830-1840-х гг. В пользу этого предположения говорит тот факт, что анализируемая категория весьма нечасто применяется русскими писателями XIX в. Так, например, данную категорию мы находим только в произведениях Л.Н. Толстого: «Прогонял бы тебя с ранцем перехода два, шнурки-то бы повытерлись, – обтирая рукавом грязь с лица, говорил пехотинец, – а то не человек, а птица сидит!» («Война и мир»).

Заслуживает отдельного внимания механизм формирования и функционирования жаргонных милитарологизмов в российской литературе. По отношению к данному термину имеет значение теоретические предположения и исторические гипотезы об образовании такого слова как *солдафон* и слов, по структурному составу смежных с ним. Лексически в слове *солдафон* выделяются две словообразовательные части. Первая *солда-* (*солдо-*) от итальянск. *soldo*, немецк. *soldat*, русск. *солдат* известна с XVII в. Слово это, в частности, использовано в «Книге о ратном строении»: «Научити от последнего салдата до начальнаго человека...» [Соболевский, 1891, 124; Смирнов, 1910, 278-279]. Со второй частью *-фон* дело обстоит сложнее.

Слово *солдафон*, обозначающее бурбона, неотесанного, необразованного и невоспитанного, носит яркую печать экспрессии. Вместе с тем это выражение относится к разговорно-характеристическим. По своему морфологическому составу (*солда-* и суффикс *-фон*) оно очевидно выходит за пределы словообразовательных норм, характерных для русского литературного языка. Поэтому можно сделать вывод о том, что данное слово образовалось как жаргон. По мнению авторов, данное слово транспонировалось в разговорно-литературной речи периода, относящемуся не раньше 1830–1840-х гг. Кроме того, оно не включено даже в наиболее полный для того времени «Толковый словарь» В.И. Даля. В работах того времени только И.А. Бодуэн де Куртенэ отнес данное слово к словарной коллекции Даля следующим образом: «*солдафон* м. бран. *солдат*» [Даль, 1909, т. 4, 374]. Позднее М.И. Михельсон привел в своем фразеологическом сборнике несколько примеров употребления этого слова и производного от него слова *солдафонский* (ср. *солдафонство*) в языке писателей середины и второй половины XIX в.: «В самих солдатах не заметно ничего солдафонского, высокомерного и отталкивающего, что не мешает им однако ж быть отличными солдатами» (Д. Григорович. «Корабль Ретвизан». 7. Прогулка в St. Jean); «А этот у вас здешний исправник... настоящий *солдафон*, без всякого гуманного развития, топорщина» (Б. Маркович. «Бездна»); «Егор Егорыч тоже несколько мгновений помыслил о капитане, который, конечно, показался ему дубоватым *солдафоном*, но не без нравственных заложений» (А. Писемский. «Масоны»).

Для авторов очевидно, что происхождение данного слова жаргонное. Также можно отметить, что оно сложилось именно в жаргоне самих военных, так как в нем активно употреблялись для словообразования суффиксы существительных *-фон*, глаголов *-фон-и-ть*.

Совершенно иной подход применяется к определению данного слова в работе В. Христиани, согласно которому, слово *солдафон* вошло в оборот литературно-разговорной речи в результате контаминации двух слов – *солдат* и *Агафон*. В доказательство данной гипотезы говорит то, что данному слову можно сопоставить такие термины, в настоящее время фактически забытые, как *лестифоня* и *лестефоня*, и определяемые следующим образом – тот, кто льстит, берет лестью, пролазчивый искатель. Этот же способ, по мнению В. Христиани, применялся при формировании слова *митрофоня* – данным термином в русской литературе и речи обозначался матрос. Однако этот же ученый в своем исследовании не учитывает тот факт, что такие слова следует относить не просто к разговорной речи, а к военному жаргону. Свои научные положения он обосновывает только на основании исследования общего принципа создания такого вида экспрессивных характеристик путем совмещения их с именами собственными. Так, сравним образования от слова *филя* (ласкательное к *Филипп*) таких слов как *простофиля*, а в диалекте, *мордофиля*, от слова *фаля* (к *Фалалей*) такое слово как *протак*, *разиня*, *дурак*; так, данное слово является источником таких словообразований как *офалить*, *фалалейть*, *фаломить*, *матрафал* – последнее является шутивно-ироническим обозначением матроса. В. Христиани идет дальше: часть слова *-пан* он в словах *горлопан*, *шалопан*, *харлапан* определяет словоформы, источником которых является слово *Степан*. Насколько такой подход обоснован можно проследить на основании словоформ слов *дурафей* и *Тимофей*, *Ерофей*; *дурафья*, *кутафья*, *моргафья* (в категории причудливая женщина) и *Агафья*; *области*, *чумазлай*, *басалай*, (тупица) и *Ермолай*; *дуралей* и *Фалалей*.

Данные положения, предложенные в исследованиях В. Христиани, по мнению авторов, нельзя полностью признать научно состоятельными. Во второй части словосложения *солдафон* правильнее видеть лично-именной суффикс жаргонной окраски (ср. *фонный*, *задать фону* и т. п.). Ср. *бурбон*, *фанфарон* и т. п.

Таким образом, проблема экспрессивно-семантических изменений слов и их *форм* в славянских языках требует системной, всесторонней сравнительно-исторической и типологической разработки. При этом работы Балли, Шпитцера, Шпербера и Ульмана в этой области отражают только часть научных положений, однако системно не решают всей совокупности относящихся к применениям милитарологизмов проблем.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что анализ ограниченного милитарологизмов русского языка позволяет определить проблему для системного их изучения на занятиях русского языка в военном вузе. Современные милитарологизмы, по мнению

авторов, будут постоянно изменять свой смысл как в устной речи, так и применении в литературе. Часть военных слов будут применяться в речи долгое время, а другие – только в краткосрочной перспективе, а в будущем потеряют свою значимость. Современное языкознание о них занимается исследованием понятий военного лексикона и делением их по частям в зависимости от построения слова, а также употребления их в различные периоды времени.

Библиография

1. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1909. Т. 4. 853 с.
2. Дмитриев И.И. Взгляд на мою жизнь. М., 1866. 315 с.
3. Захарчук О.А. Универсальные характеристики и национально-культурная специфика военного жаргона: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2007. 170 с.
4. Зверев С.Э. Обучение владению военной лексикой и терминологией курсантов военных вузов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 102. С. 176-179.
5. Лату М.Н. Военная терминология в современном политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2011. № 3. С. 98-104.
6. Митчелл П.Д. Английский военный сленг: понятие, способы образования и тематическая классификация // Язык и культура. 2014. № 3 (27). С. 65-73.
7. Моисеев А.И. О языковой природе термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М., 1970. С. 127-138.
8. Нелюбин Л.Л., Дормидонтов А.А., Васильченко А.А. Учебник военного перевода: английский язык. М.: Воениздат, 1981. 444 с.
9. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1990. 921 с.
10. Смирнов Н.А. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. I, II. Определение путей, которыми в Петровскую эпоху шли заимствования из западно-европейских языков. Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык в эпоху Петра Великого. СПб : Типография Академии наук, 1910. 399 с.
11. Соболевский А.И. Русские заимствованные слова. СПб, 1891. 152 с.
12. Сороколетов Ф.П. История военной лексики в русском языке (XI–XVII вв.). Л.: Наука, 1970. 384 с.
13. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 2. Л-П. СПб.: Типография императорской Академии наук, 1902. 1802 стб.
14. Стрелковский Г.М. Теория и практика военного перевода: немецкий язык. М.: Воениздат, 1979. 272 с.

15. Уланов А.В. Формирование и функционирование военной лексики в русском языке XVII–XVIII веков (на материале столичной и региональной деловой письменности): автореферат дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2008. 236 с.
16. Шевчук В.Н. Военно-терминологическая система в статистике и динамике: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1985. 488 с.

Military terminology in Russian literature

Sergei V. Postnikov

PhD in Pedagogics, Docent,
Volsky Military Institute of Material Support,
412903, 3 Gor'kogo st., Volsk, Saratov Region, Russian Federation;
e-mail: telec8572@mail.ru

Ol'ga A. Postnikova

PhD in History,
Volsky Military Institute of Material Support,
412903, 3 Gor'kogo st., Volsk, Saratov Oblast, Russian Federation;
e-mail: viefremov@mail.ru

Absstract

The article highlights one of the pressing problems of linguistics, namely the functioning of the terms associated with the military sciences, defined as military terminology in a number of studies. The authors investigate the category of military vocabulary, the categorization of lexemes depending on the construction of words, and especially their application at different stages of language development. The authors form the scientific statements about the role of military terminology in speech. Also, the paper analyzes examples of military terminology application from various sources, in various Russian-language literature, and in the lexical environment, wearing a special character, including among Russian servicemen. In particular, the authors analyze three Russian military terms: *voina* (war), *pekhotinets* (infantryman), *soldafon* (martinet). The article prove the need for a system study, including the classrooms of the Russian language and the Russian speech in the military high school. In conclusion, the authors conclude that military terminology will constantly change its meaning in speech, and when used in works of art; some military words will live a long time, while others will disappear or lose their significance.

For citation

Postnikov S.V., Postnikova O.A. (2016) Militarologizmy i ikh ispol'zovanie v russkoi literature [Military terminology in Russian literature]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 4, pp. 223-234.

Keywords

Military terminology, military terms, literature, voina, pekhotinets, soldafon.

References

1. Dal' V. (1909) *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of Russian language], Vol. 4. Saint Petersburg.
2. Dmitriev I.I. (1866) *Vzglyad na moyu zhizn'* [A look at my life]. Moscow.
3. Latu M.N. (2011) Voennaya terminologiya v sovremennom politicheskom diskurse [Military terminology in contemporary political discourse]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 3, pp. 98-104.
4. Mitchell P.D. (2014) Angliiskii voennyi sleng: ponyatie, sposoby obrazovaniya i tematicheskaya klassifikatsiya [English military slang: concept, methods of education and thematic classification]. *Yazyk i kul'tura* [Language and culture], 3 (27), pp. 65-73.
5. Moiseev A.I. (1970) O yazykovoii prirode termina [On the linguistic nature of the term]. In: *Lingvisticheskie problemy nauchno-tekhnikeskoi terminologii* [Linguistic problems of scientific and technical terminology]. Moscow, pp. 127-138.
6. Nelyubin L.L., Dormidontov A.A., Vasil'chenko A.A. (1981) *Uchebnik voennogo perevoda: angliiskii yazyk* [Textbook of military translation: English language]. Moscow: Voenizdat Publ.
7. Ozhegov S.I. (1990) *Slovar' russkogo yazyka* [Russian dictionary]. Moscow: Russkii yazyk Publ.
8. Shevchuk V.N. (1985) *Voенно-terminologicheskaya sistema v statistike i dinamike. Doct. Diss. Abstract* [Military terminology system: statistics and dynamics. Doct. Diss. Abstract]. Moscow.
9. Smirnov N.A (1910) *Slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v russkii yazyk v epokhu Petra Velikogo* [Dictionary of foreign words included in the Russian language in the era of Peter the Great]. Saint Petersburg: Akademiya nauk Publ.
10. Sobolevskii A.I. (1891) *Russkie zaimstvovannye slova* [Russian loanwords]. Saint Petersburg.
11. Sorokoletov F.P. (1970) *Istoriya voennoi leksiki v russkom yazyke (XI–XVII vv.)* [The history of the military lexicon in Russian language (XI-XVII centuries)]. Leningrad: Nauka Publ.
12. Sreznevskii I.I. (1902) *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam* [Materials for the dictionary of ancient language on the cultural artefacts], Vol. 2. Saint Petersburg.

13. Strelkovskii G.M. (1979) *Teoriya i praktika voennogo perevoda: nemetskii yazyk* [Theory and practice of military translation: German language]. Moscow: Voenizdat Publ.
14. Ulanov A.V. (2008) *Formirovanie i funktsionirovanie voennoi leksiki v russkom yazyke XVII–XVIII vekov (na materiale stolichnoi i regional'noi delovoi pis'mennosti)*. *Doct. Diss. Abstract* [Formation and functioning of the military lexicon in Russia in XVII-XVIII centuries (based on metropolitan and regional business writing). *Doct. Diss. Abstract*]. Omsk, 2008. 236 c.
15. Zakharchuk O.A. (2007) *Universal'nye kharakteristiki i natsional'no-kul'turnaya spetsifika voennogo zhargona*. *Doct. Diss.* [Universal characteristics and cultural identity of the military jargon. *Doct. Diss.*]. Chelyabinsk.
16. Zverev S.E. (2009) Obuchenie vladeniyu voennoi leksikoi i terminologii kursantov voennykh vuzov [Military vocabulary and terminology of military cadets]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Proceedings of the Herzen State Pedagogical University], 102, pp. 176-179.